

ЭЛЕГИЯ И СТИХОТВОРНЫЙ ФЕЛЬЕТОН В РУССКОЙ ПОЭЗИИ СЕРЕДИНЫ XIX ВЕКА

В статье рассматривается проблема взаимосвязи двух стилистически полярных жанров – стихотворного фельетона и элегии; выявляются два аспекта проблемы: 1) пародийное использование (перепев) элегии для усиления комического эффекта фельетона, 2) включение элегических фрагментов в структуру сатирического жанра. Материалом являются 66 фельетонов Н.А. Некрасова, В.С. Курочкина, Д.Д. Минаева.

Ключевые слова: жанр, стихотворный фельетон, элегия, комическое, перепев, пародия, сатира.

Проблема взаимосвязи фельетона с элегией может показаться странной, поскольку данные жанры обладают совершенно полярными моделями. И тем не менее исследование фельетонов середины XIX века дает материал для рассмотрения этой проблемы.

В стихотворных фельетонах мы обнаружили пятнадцать произведений с приметам жанра элегии¹ (22% от общего числа фельетонов), из них в трех стихотворениях содержится указание на жанр элегии в подзаголовке («Слово примирения (Материалы для истории русского просвещения с элегиями и пляскою)», «Плач Москвы о переселении в Петербург сплетни (Прошлогодня элегия)» Курочкина, «Фанты (Современная элегия) Минаева); в восьми – элегия используется как пародия или перепев («Ты помнишь ли, читатель благосклонный...», «В гостях и дома» и др. Курочкина; «Конкурсные стихотворения на звание члена общества любителей русской словесности», «Мотивы русских поэтов» и др.» Минаева); в остальных четырех – элегические признаки присутствуют в элегических отступлениях.

Довольно широкое фигурирование жанра элегии является следствием его господства в первой трети XIX века. С одной стороны, поэты-сатирики середины века использовали форму элегии по наитию, с другой – осознанно, с целью подчеркнуть ее утраченные позиции. Отсюда и наше деление анализа на две части.

Учитывая высказывание Л.Г. Фризмана, что иронические, пародийные и комические элегии – тоже элегии, с помощью которых можно проследить, как воспринимается этот жанр в разные эпо-

хи [2, 43], мы выделяем первый аспект – пародийное использование фельетоном жанра элегии.

И.Л. Краснова достаточно подробно рассмотрела механизмы пародирования данного жанра поэтами «Искры» в целом, касаясь при этом и двух фельетонов: «Слово примирения» Курочкина и «Фанты» Минаева, которые в подзаголовке содержат указание на элегию. Говоря об этих произведениях, исследовательница классифицирует первое как особый вариант элегии: «не пародию и не перепев», а как произведение с элементами элегии; а второе – как стихотворение – отрицание элегии, которое подчеркивается указанием на жанр [7, 65–66]. Соглашаясь с подобными выводами, мы хотим еще добавить, что в данных примерах наличие установки на элегию за счет ее (установки) несоответствия содержанию позволяет подчеркнуть и в то же время усилить комический эффект.

Стихотворный фельетон может целиком строиться в форме элегии («Ты помнишь ли, читатель благосклонный...» Курочкина, «В толпе» Минаева), а может использовать лишь некоторые ее наиболее узнаваемые черты («В гостях и дома» Курочкина, «1-е января» Минаева). В первом случае мы имеем дело либо с перепевом, либо с пародией; во втором – с пародийным использованием элементов поэтики элегии.

Например, фельетон «Конкурсные стихотворения<...>» Минаева состоит из трех частей, построенных в форме элегий. Причем установка на элегическую форму в текстах первых двух частей заявлена уже в заголовке: «Во сне», «На яву». Содержание же представляет собой сплав достаточно узнаваемой элегической семантики

¹При выделении признаков элегии мы руководствовались наработками в данной области Л.Г. Фризмана [1], [2], Г.А. Гуковского [3], И.Л. Альми, [4], В.А. Грехнева [5], М.Л. Гаспарова [6].

и низкой, доходящей местами до грубой, разговорной речи: так на фоне строк

Немая тишь сковала все кругом,
И солнце жгло отвесно с небосклона [8, 29]

мы видим:

Пред капищем славянских истуканов
Там Лонгинов могилу мрачно рыл» [8, 30].

По данным комментариев, настоящий фельетон представляет собой перепев трех известных элегических произведений: первая часть – перепев «Сна» М.Ю. Лермонтова, вторая – «Провидения» А.И. Полежаева, третья – перевода Лермонтова Гейне «Они любили друг друга так долго, так нежно» [9, 2, 375]. Подобное использование формы популярного произведения с совершенно иным семантическим наполнением употребляется не с целью высмеять названное стихотворение или его автора, а с целью создания комического эффекта, который формируется как раз за счет парадоксального контраста формы и содержания. Данный прием, который в литературоведении именуется перепевом, мы отмечаем уже не впервые [10], что позволяет нам назвать его доминантным признаком жанра стихотворного фельетона.

Примером применения только узнаваемых элементов элегии служит фельетон Курочкина «В гостях и дома». Однако здесь в отличие от предыдущего произведения за счет достаточно знакомых элегических эпитетов объектом осмеяния становится и автор строк, и его поэзия. Этому способствует как графическое выделение данных слов, так и постоянное ироническое дополнение к ним. Так выделенные курсивом шаблонные эпитеты «матушка-зима», «батюшка-мороз», «рьяное винцо» П.А. Вяземского:

Снежок в Берлине показался
Не знаю сам зачем, к чему,
Но я игриво замечтался
Про нашу *матушку-зиму*.
Занявшись *батюшкой-морозом* [11, 1, 253]

как бы обрамляются комментариями, еще более подчеркивающими их банальный характер:

Его сравнил я с паровозом,
Ввернул игривое словцо
Про наше *рьяное винцо* [11, 1, 254].

Помимо этого в фельетоне «В гостях и дома» выделяются и эпиграмматические стихи:

Приятно, если мы встречаем
В тиши немецких городков
За православным русским чаем
Беседу наших земляков
О русских щах, о русском чае,
Об вологодском урожае,
Об кессингенских бедняках,
Рулетке, сплетнях и балах!² [11, 1, 256].

В результате за счет контраста двух полярных жанров еще больше усиливается эффект осмеяния.

В других произведениях («1-е января», «Последние славянофиль» Минаева) с помощью вводимых элегических элементов (усиления субъективного начала, мотивов скоротечности жизни, скорби, невозвратимости юности) пародируется поэзия оппозиционного лагеря – славянофилов.

Как мы видим из приведенных примеров, пародийное использование жанра элегии не свойственно фельетонам Некрасова. Подобную ситуацию можно объяснить словами Л.Г. Фризмана: «Называя то или иное свое стихотворение «элегией», Некрасов никогда не вкладывал в это иронического смысла, насмешки над отжившим жанром, как это делали многие его современники. У Некрасова это название всегда говорит о связи с элегическим наследием, а не о разрыве с ним» [1, 136]. Проецируя это высказывание на наш материал, мы можем сказать, что и элементы элегии в стихотворных фельетонах Некрасова, которые мы также обнаружили, имеют не пародийную, а иную нагрузку. В связи с этим мы переходим к рассмотрению второго аспекта – присутствия элементов жанра элегии в так называемых элегических отступлениях, которые оказались характерными только для произведений Некрасова. В целом у Некрасова мы выявили четыре фельетона, где присутствуют элегические отступления («Балет», «Газетная», «Новости», «Отрывки из путевых записок графа Гаранского»). Под элегическими отступлениями

² Подробнее об этом мы говорили в нашей статье «Эпиграмматические стихи в составе стихотворного фельетона середины XIX века» [9, 164].

мы понимаем те части стихотворного фельетона, в которых открыто прослеживается ритмико-синтаксическая модель жанра элегии. Это могут быть типичные элегические описания природы и философские рассуждения.

Обратимся к примерам. Наиболее ярким в данном случае выступает фельетон «Балет». Его «элегические корни» проявляются с первых строк – с обращений к музе³, которые чаще всего применялись в жанре элегии (ср. у А.П. Сумарокова в элегии «Страдай, прискорбный дух! Терзайся, грудь моя»: «Хочу оставить муз и с музами прощаюсь, / Прощуся с музами и к музам возвращаюсь»; у В.А. Жуковского в «Вечере»: «Приди, о муза благодатна»; у А.С. Пушкина в элегии «Погасло дневное светило»: «Где музы нежные мне тайно улыбались» – или в «Андрее Шенье»: «И муза чистая делила мой досуг»; и у самого Некрасова в элегии «Пусть нам говорит изменчивая мода» (А.Н. Еракову): «Оплакивать их рок, служить им будет Муза / <...> / Шепнула Муза мне. – Пора идти вперед»), а во второй части элегичность достигает своего апогея. И хотя О.И. Федотов называет тональность данной части даже не песенной, а «стонущей, надрывной, обличительной речью» [12, 90], мы, принимая и это определение, позволим себе обозначить ее и как элегическую:

- во-первых, за счет мелодичности, напевности;
- во-вторых, за счет элегической фразеологии:

<...> обнажая бугры,
Ветер снегом заносит лощины;
<...> эта снежная пыль,
Непрерывной волной набега,
Под собой погребает ковыль,
Всегубящей зиме помогая [13, 240],

с усилением уныния в фонетическом плане (преобладание звука «у», свойственного элегиям Жуковского («Едут путники узкой тропюю / <...> / Небо хмурое, полное мглюю»)), правда, уже с элементами прозаизации⁴;

- в-третьих, за счет мотивов смерти, тоски, уныния («В белом саване смерти земля», «Снеж-

но – холодно – мгла и туман.../ И по этой унылой равнине / <.....>»);

– в-четвертых, за счет чисто некрасовского – автор говорит не о себе, а, по словам Л.Г. Фризмана, «он болен чужой болью» [1, 144]. Таким образом, в «Балете» мы имеем дело с элегическим отступлением.

В «Отрывках из путевых записок графа Гаранского» в форме элегий предстают пейзажные зарисовки. Несколько иначе форма элегии воплощается в «Новостях». Если в предыдущих примерах элегические отступления могли появляться неоднократно и занимать от 2 до 20 строк, то здесь мы сталкиваемся с ними только раз – во фрагменте, состоящем из двух абзацев (10 и 13 строк). В этих 23 строках элегического характера Некрасов показал общую картину жизни представителей «интеллигенции»:

Уныло мы проходим жизни путь
<.....>
<...> наши русские мотивы,
Как наша жизнь, и бедны и сонливы [14, 26].

Интересной особенностью является то, что элегические отступления либо маркированы самим автором в тексте («Но – скучны отступления!»), либо выделены графически, но всегда отличаются сменой:

а) типа выражения субъекта речи (в элегических отступлениях всегда – собственно-авторский тип),

б) пространства – с динамического, характерного для основного текста, на статическое, свойственное отступлениям.

В последнем, как в стоп-кадре, запечатлевается самая суть, самое стержневое в фельетоне, причем дано оно без капли иронии, что, в свою очередь, вводит в заблуждение несведущих читателей, которые данным строкам приписывают ироничность или иносказательность, поскольку предшествующий текст был построен в основном на иронии. Именно в этом и заключается основная особенность отступлений.

Сам факт наличия «безыронических» элегических отступлений в стихотворных фельетонах только Некрасова, во-первых, подтверждает слова Л.Г. Фризмана о серьезном отношении

³ Те же обращения мы наблюдаем и в «Газетной».

⁴ Подобная фразеология, по данным Л.Г. Фризмана, в принципе характерна для элегий Некрасова [1, 144]. См., например, «Тройка», «Несжатая полоса», «Забытая деревня».

поэта к данному жанру, а, во-вторых, свидетельствует о том, что жанр элегии, интерес к которому никогда не угасал на протяжении всего творческого пути Некрасова, постоянно присутствовал в творческом сознании поэта, находя свое отражение даже в сатирических жанрах, придавая тем самым им особенный – индивидуальный стиль.

Обобщая вышеизложенный материал, мы можем подвести следующие итоги:

1. Стихотворный фельетон использует в своей структуре поэтику жанра элегии: фельетон может либо целиком строиться в форме элегии, либо может использовать лишь некоторые ее наиболее узнаваемые черты. В этом случае мы имеем дело или с перепевом, или с пародией.

2. Одной из особенностей стихотворного фельетона является наличие в нем элегических отступлений, представляющих собой типичные элегические описания природы, философские размышления.

Исследование этих структурных особенностей дает основание для двух теоретических заключений: а) первое касается жанра. Наблюдения за поэтикой элегии в структуре фельетона позволяют назвать сатирический прием перепев доминантным признаком жанра;

б) второе имеет отношение к индивидуальному стилю. Поскольку установлено, что элегические отступления функционировали только в стихотворных фельетонах Н.А. Некрасова, можно сделать вывод об индивидуальном фельетонном стиле Некрасова в рамках жанрового.

27.08.2010

Список использованной литературы:

1. Фризман, Л.Г. Жизнь лирического жанра: Русская элегия от Сумарокова до Некрасова / Л.Г. Фризман. – М.: Наука, 1973. – 166 с.
2. Фризман, Л.Г. Два века русской элегии / Л.Г. Фризман // Русская элегия XVIII – н. XX в.: Сб-к / Вступ. ст., сост., подгот. текста, примеч. и биограф. справ-к авторов Л.Г. Фризмана. – Л., 1991. – С. 5–48.
3. Гуковский, Г.А. Русская литература XVIII века / Г.А. Гуковский. – М., 1939. – 101 с.
4. Альми, И.Л. Е. Баратынский «Все мысль да мысль!...» / И.Л. Альми // Поэтический строй русской лирики. – Л.: Наука, 1973. – С. 108–121.
5. Грехнев, В.А. Лирика Пушкина: О поэтике жанров / В.А. Грехнев. – Горький, 1985. – 239 с.
6. Гаспаров, М.Л. Элегия / М.Л. Гаспаров // Литературная энциклопедия терминов и понятий / Под ред. А.Н. Николюкина. – М., 2001. – Стб. 1228–1229.
7. Краснова, И.Л. Проблема сатирического стихотворного стиля (на материале поэзии «Искры») / И.Л. Краснова: Диссертация ... канд. филол. наук. – Караганда, 1997. – 275 с.
8. Минаев, Д.Д. Избранное / Д.Д. Минаев; [Сост., подгот. текста, вступ. ст., примеч. И. Ямпольского]. – Л.: Худож. лит. Ленингр. отд-ние, 1986. – 400 с.
9. Ямпольский, И.Г. <Комментарий> / И.Г. Ямпольский // Поэты «Искры». В 2 т.: Т. 2. – Л., 1987. – С. 378 (Б-ка поэта, б.с.).
10. Румянцева, В.Н. Эпиграмматические стихи в составе стихотворного фельетона середины XIX в. / В.Н. Румянцева // «Слава вам, братья, славян просветители!»: материалы научно-практических конференций / под общ. ред. В.В. Амелина. – Оренбург: издательский центр ОГАУ, 2008. – С. 161–167.
11. Курочкин, В.С. Поэты «Искры». В 2 т.: Т. 1. – Л.: Сов. писатель, 1955. – 810 с. (Б-ка поэта, б.с.).
12. Федотов, О.И. Некоторые замечания к жанрово-композиционной структуре сатиры Н.А. Некрасова «Балет» / О.И. Федотов // Вопросы художественной структуры произведений русской классики. – Владимир, 1983, С. 81–96.
13. Некрасов, Н.А. Полн. собр. соч. и писем: В 15 т. / Н.А. Некрасов: Т. 2.: Стихотворения 1855–1866 гг. – Л.: Наука, 1981. – 448 с.
14. Некрасов, Н.А. Полн. собр. соч. и писем: В 15 т. / Н.А. Некрасов: Т. 1.: Стихотворения 1838–1855 гг. – Л.: Наука, 1981. – 720 с.

Сведения об авторе:

Румянцева Виктория Николаевна, старший преподаватель кафедры русской филологии и методики преподавания русского языка Оренбургского государственного университета, кандидат филологических наук
460018, г. Оренбург, пр-т Победы, 13, ауд. 1106, тел. (3532) 372436, e-mail: rumviksia@mail.ru

Rumyantseva V.N.

Elegy and written feuilleton in Russian poetry at the middle of XIX century

The author of this article regards the problem of interaction of two stylistic genres - written feuilleton and elegy; reveals two aspects of the problem: 1) mock use (rehash) of elegy for strengthening of comic effect of the feuilleton, 2) introduction of elegy fragments into the structure of satirical genre. The materials are 66 feuilletons by N.A. Nekrasov, V.S. Kurochkin, D.D. Minaev.

Key words: genre, written feuilleton, elegy, comic, rehash, parody, satire.